

Глава 6

Вчерашний дождь оставил после себя тяжелую, липкую влагу. С самого утра уезд окутал густой туман, белый и плотный, точно парное молоко — в нескольких шагах уже нельзя было разглядеть человека.

Лишь к часу Дракона пелена начала понемногу рассеиваться, и улицы постепенно наполнились привычным шумом.

В лечебнице семьи Чжоу молодой аптекарь, зевая, отворил тяжелые двери. Внутри тут же ворвался колючий зимний ветер, мгновенно прогнав остатки сна. У порога уже переминались с ноги на ногу первые больные. Судя по надсадному кашлю, доносившемуся из толпы, зима никого не щадила, щедро раздавая простуду и озноб.

Лечебница Чжоу была местом почтенным. Семья потомственных лекарей пустила корни в уезде Миншуй много поколений назад; говорили, что среди их предков числились даже те, кто врачевал саму императорскую семью. Неудивительно, что горожане доверяли им больше, чем кому-либо другому.

В тот день прием вел Чжоу Линъи — старший внук почтенного Чжоу Цихуна. Несмотря на молодость, едва достигнув возраста слабого совершеннолетия, он уже был признан полноправным преемником семейного дела. Помогали ему лишь верный аптекарь да младший брат, Чжоу Сяолу.

— Сяо Чжоу-дафу, умоляю, посмотрите моего внука! — причитала пожилая женщина. — Вчера дали ему немного жидкой каши с мясным фаршем, а к ночи началось: и рвота, и понос. Деревенский лекарь заходил, да что толку — лекарство в дитя не влить, ничего не помогает!

Младенец на её руках плакал уже беззвучно, из последних сил. Вся семья, не помня себя от страха, добиралась до уезда еще затемно. Чжоу Линъи жестом пригласил их сесть, и взгляд его сделался строгим.

— Дитяти всего три месяца от роду, — произнес он, осматривая маленького пациента. — Как вам в голову пришло кормить его мясом?

— Так ведь... думали, раз в доме достаток появился, пусть и дитя ест получше, — оправдывалась женщина, пряча глаза.

Мешкать было нельзя, и лекарь привычными движениями принялся за работу. Стоило закончить с одним, как его место тут же занимал следующий. И хотя тяжелых недугов было немного, поток страждущих казался бесконечным. Лишь к полудню, когда утренний прием подошел к концу, Линъи смог подняться и размять затекшую спину. Голод давал о себе знать настойчивым урчанием в животе.

Он уже собирался уйти во внутренние покои, чтобы пообедать, когда в дверях выросла высокая фигура, разом заслонившая собой дневной свет.

— Приходи после полудня, — не глядя, бросил лекарь.

— После полудня я буду занят.

Линъи замер и, узнав голос, обернулся:

— А, так это ты, учитель Фан!

Фан Вэньли стоял у порога, прямой и статный в своем бело-голубом халате ученого. Темные волосы были аккуратно собраны в высокий узел и закреплены нефритовой заколкой в виде стебля бамбука. Весь его облик дышал изысканностью и строгим достоинством. Как любил говаривать Линъи: «Выглядит как человек, а внутри — пес его знает».

— Захворал? — осведомился лекарь.

— Пришел за мазью.

— За какой еще мазью? — хмыкнул Линъи. — Неужто прознал, что я привез из области Цзяньян снадобья для укрепления мужской силы и почек?

Вэньли лишь слегка приподнял веки, бросив на друга холодный взгляд:

— От обморожения.

Чжоу Линъи насмешливо цокнул языком:

— Послушай, ты брал эту мазь и в прошлом году, и в позапрошлом... Может, в этот раз обойдемся? У тебя ведь даже фулана нет. Сидишь, точно кот перед чаном с рыбой: мазь-то у тебя есть, а приложить её не к кому. Толку-то на неё смотреть?

Лекарь подошел ближе и по-дружески закинул руку на плечо Вэньли, но тот привычно уклонился. Линъи, не смутившись, завел руки за спину.

— Одинокий ты человек, Цунлю. Мази те добрые, ценные — негоже их зря переводить. Не продам.

С этими словами он направился вглубь лавки.

— В этом году пригодится, — вдруг негромко произнес Вэньли ему в спину.

— Что? — Линъи замер. — Неужто силой решил взять?

— Посватаюсь честь по чести.

Лекарь расхохотался:

— Ладно, поверю тебе в последний раз. Сяолю, выдай ему мазь!

— Доктор! Помогите! Скорее! — истошный крик прервал их разговор. В дверях показались люди, неся на себе пострадавшего.

Линъи страдальчески поморщился и потер пустой живот.

— Всё из-за тебя, — проворчал он, глядя на Фана. — Из-за тебя обед пропущу.

— Не умрешь с голоду, — бесстрастно отозвался Вэньли.

— Да пошел ты! — в сердцах бросил лекарь, указывая на дверь.

Вэньли отошел в сторону, уступая дорогу, но едва его взгляд упал на вошедших, он замер. Пальцы невольно сжались.

— Доктор, посмотрите ногу, мочи нет терпеть!

— Ого, да тут перелом, — Линъи мельком глянул на Вэньли. Тот уже забрал свою мазь, но уходить почему-то не спешил.

Учитель Фан прошел к скамье позади аптечного прилавка и сел. Длинные ресницы скрыли его взгляд, а лицо сделалось непроницаемым. Тем временем Чжоу Линъи принялся за осмотр.

— Весь в грязи... Видать, кубарем со склона летел?

Раненый на миг напрягся, но тут же снова завыл от боли. При каждом прикосновении лекаря он так вздрагивал, что Сяолю пришлось удерживать его силой. Наконец, когда кость была вправлена и закреплена лубками, Линъи взялся за кисть.

— Имя?

— Вань Шанья.

Рука Вэньли, вертевшая фарфоровую баночку с мазью, на мгновение замерла.

Кисть быстро заскользила по бумаге, и вскоре Сяолю уже привычно собирал травы по рецепту.

— Как домой добираться будешь? — спросил лекарь.

Вань Шанья, чье лицо заплыло от ушибов, прохрипел:

— Будьте добры, пошлите кого на улицу Лю, в трактир семьи Чэнь. Пусть кликнут моего брата, Ван Чжана.

— Ладно, жди.

Отправив аптекаря с поручением, Линъи поспешил наконец умыться и перекусить. Учитель Фан же был человеком взрослым и в опеке не нуждался — в конце концов, он жил куда вольготнее лекаря, и денег у него было достаточно.

Вскоре за раненым приехал его приятель на одноколке, которую в этих краях называли «оленьей тележкой». Трое-четверо сомнительных личностей, от которых за версту несло дешевым вином, с шумом и бранью погрузили Вань Шанья и покатали прочь.

Фан Вэньли незаметно последовал за ними.

— Ну ты даешь, брат Вань! — гоготал один из собутыльников. — Вчера звали тебя пить — не пошел, а наутро, гляди-ка, нога колесом!

— И не поминай... — проворчал раненый.

— Ха-ха! Неужто к какой вдовице через забор лазил, да сорвался?

— Какая еще вдовица! Это мой будущий фулан был!

— Да когда ж ты им обзавестись успел?

— В семье Тао, что рыбой торгует. Решил вчера ночью пойти присмотреться к нему поближе, да кто ж знал, что этот Тао Цинъюй такой бешеный...

Фан Вэньли резко остановился. На его кулаках вздулись жилы, а фарфоровая баночка в руке

зловеще скрипнула. А банда впереди продолжала, не замечая слезки:

— Вот попадет он в мои руки, я из него всю спесь-то выбью... Будет молить о пощаде, да только ни земля, ни небо его не услышат...

Вэньли вдруг негромко рассмеялся.

В его ледяном взгляде застыла такая ярость, что случайные прохожие невольно ускорили шаг. Бродяги впереди, услышав смех, обернулись, но, увидев богато одетого ученого, связываться не стали, лишь буркнули под нос: «Псих какой-то».

— А Сю.

— Слушаю, господин.

— Проследи за этой телегой.

А Сю растворился в толпе, а Фан Вэньли повернулся к вывеске лечебницы.

— Учитель Фан? Ты почему еще здесь? — Линъи, сытый и довольный, вышел на порог и наткнулся на друга, стоявшего неподвижно, точно ледяное изваяние.

— У тебя есть яд? — спросил Вэньли.

Лекарь поперхнулся и поспешно отступил на шаг.

— Убийство — дело подсудное! Я в сообщники не нанимался!

Вэньли холодно усмехнулся:

— Жаль. Очень жаль.

От этой улыбки у Линъи мурашки побежали по спине. Он предпочел не искушать судьбу и, юркнув обратно в лечебницу, поплотнее закрыл за собой дверь. Глядя на Фана, можно было подумать, что у него только что увели невесту прямо из-под венца. Страшный человек.

Несколько дней Тао Цинъюй не показывался на рынке. Расспросив знакомого торговца овощами, хозяина Лю, он узнал, что некий Вань Шанья сломал ногу. Теперь юноша точно знал, кто ломился к нему в ту ночь. Но «воля небес» — это одно, а настоящий расчет — совсем другое.

Дни летели незаметно, и вот миновало уже полмесяца. В семье Тао работа не затихала ни на миг. После того ночного происшествия, чтобы унять тревогу, в дом взяли щенка. Его родители верно служили местному охотнику и славились своим умом. Когда малыш подрастет, он станет не только надежным сторожем, но и, при должном обучении, хорошим помощником на охоте.

Цинъюй достал старую корзину, в которой когда-то спал их прежний пес, выстелил её ветошью и устроил для щенка место под навесом, рядом с дровами. Малыш, разлученный с матерью, жалобно дрожал. Юноша взял его на руки и бережно погладил от головы до кончика хвоста.

— В нашем доме умеют обращаться с собаками, — негромко проговорил он. — Наш старый Да Хуан прожил восемнадцать лет. А ты у нас будешь Сяо Хуаном. Постарайся дожить до двадцати восьми, ладно?

— Взрослый человек, а всё с собакой возишься, — в дверях показались Фан У и Ян Цюэ, неся тяжелую корзину с вымытым бататом.

— Папа, зачем нам столько красного картофеля?

— Будем крахмал тереть. Хватит бездельничать, иди помогай.

— Иду!

Земли у семьи Тао были небогатые, зато красный батат рос на них отменно. Он и в еде хорош, и этот порошок на рынке ценится высоко. Половину зимнего урожая — добрую тысячу цзиней — всегда пускали на переработку.

Дело это было нехитрое: батат мыли, перетирали в кашу, завязывали в холщовые мешки и долго вымешивали в воде. После этого мутную воду оставляли отстаиваться, пока чистый осадок не ложился на дно плотным слоем. Оставалось только слить лишнее и просушить белоснежную массу на солнце.

Из пяти-шести цзиней батата выходил один цзинь порошка, который стоил около десяти вэней. Наделав сотню-другую цзиней товара, семья могла выручить пару лянов серебра — этого с лихвой хватало на нужды большого дома на несколько месяцев.

Цинъюй отпустил Сяо Хуана, и малыш, робко виляя хвостиком, последовал за хозяином. Весь

день ушел на то, чтобы перемыть гору овощей. Дальше за дело должны были взяться мужчины — перетирать батат в кашу была работа тяжелая, требующая недюжинной силы.

Своими силами, без особых приспособлений, семья Тао провозилась с изготовлением запасов почти полмесяца. За это время Цинъюй успел соскучиться по городской суете. К тому же, он рассудил, что его «старый знакомый» уже должен был немного оправиться и начать ходить.

— Папа, завтра я отправлюсь в уезд. Заодно и крахмал отвезу на продажу.

Рыбой семья торговала не каждый день, и на следующее утро телега была нагружена только мешками с белоснежной мукой. Отец с сыном поспешили в город.

Зимой этот товар расходился быстро — скоро праздники, и в каждой семье готовили угощения. Хозяйки в Миншэе любили добавлять его в мясные фрикадельки, варить густые супы или обваливать в нем мясо перед жаркой, чтобы оно оставалось нежным. Покупатели брали по пять, а то и по двадцать цзиней за раз, так что торговля шла куда бойчее, чем рыбная.

Цинъюй стоял за прилавком, но взгляд его то и дело возвращался к главной дороге, ведущей от городских ворот. Когда товара в телеге почти не осталось, он наконец увидел того, кого ждал. Сказав отцу, что хочет немного прогуляться по лавкам, юноша подхватил корзину с лесными дарами и незаметно последовал за целью.

А Сю, тенью следовавший за Вань Шанья, заметив Цинъюя, на мгновение оторопел, но тут же юркнул в переулок Цзиньфу, скрывшись с глаз.

Вань Шанья же, чья нога за полмесяца почти зажила, пребывал в благодушном настроении. Он уверенно направлялся в сторону западной окраины, к улице Лю. Это было злчное место: игорные дома, притоны и лачуги бедноты. Порядочным юношам и девушкам в уезде строго-настрого запрещали даже приближаться к этому району.

Цинъюй замедлил шаг и остановился.

Впереди, из узкого проулка, вышла молоденькая девушка, и Вань Шанья тут же преградил ей путь.

«Подонки!» — мелькнуло в голове Цинъюя.

Вань Шанья оглянулся. Цинъюй мгновенно отпрянул за угол, а когда снова осторожно выглянул, увидел, что этот мерзавец не просто сыплет сальностями — он бесстыдно зажал девушке рот и потащил её в темный тупик. В таких трущобах людей почти не бывает, кричи — не докричишься.

Юноша глубоко вздохнул и быстро выхватил из-за пазухи небольшой сверток.

Услышав приглушенные рыдания, доносившиеся из глубины проулка, он резким движением швырнул содержимое свертка в сторону обидчика. Белое облако порошка взметнулось вверх, и ветер, гулявший в узком пространстве, бросил едкую пыль прямо в лицо Вань Шанья.

Не давая врагу опомниться, Тао Цинъюй выхватил из корзины топорик и со всей силы опустил обух на спину ошеломленного подонка.

Раздался глухой стук, и два тела повалились на грязную землю. Девушка, не выдержав потрясения, тоже лишилась чувств.

<http://bllate.org/book/15858/1438817>